

А. В. СОЛОВЬЕВ

Автор «Задонщины» и его политические идеи

В 1948 г. мы напечатали статью о политическом кругозоре автора «Слова о полку Игореве»,¹ затем Д. С. Лихачев дал более подробное исследование на ту же тему.² Недавно Л. А. Дмитриев произвел анализ политических идей «Сказания о Мамаевом побоище»,³ но не затронул связи этого «Сказания» с более ранним произведением — «Задонщиной» старца Софония, которая является соединительным звеном между «Словом о полку Игореве» и этим «Сказанием».

В. П. Адрианова-Перетц много сделала для изучения текста и значения «Задонщины»,⁴ поэтому мы с особой радостью посвящаем ей данную статью.

К сожалению, если изучение «Слова о полку Игореве» затруднено тем, что оно известно лишь по одной, давно исчезнувшей рукописи, изучение «Задонщины» еще труднее, ибо мы имеем дело с несколькими поздними рукописями, испорченными при переписке и значительно разнящимися в целом ряде эпизодов и выражений. Кроме того, фраза «аз же помяну резанца Софония» (списки И₁ — ГИМа, У — Ундольского, и С — Синодальный) ясно указывает на то, что некий редактор дополнил первоначальный текст: сам автор не мог так упомянуть себя. Поэтому встает вопрос о том, принадлежали ли вступление и заключение автору; ни С. К. Шамбинаго, ни А. А. Шахматов, ни В. Ф. Ржиги, ни В. П. Адрианова-Перетц не могли решить его с полной уверенностью.

Одно несомненно: первоначальным автором «Задонщины» был иерей Софоний Рязанец; об этом согласно говорят три заглавия ее: «Писание Софония старца Рязанца» (Б — Белозерский), «А се писание Софония Рязанца, брянского боярина» (Тверская летопись под 6888 г.), «Сказание Сафона Рязанца» (С), два указанных упоминания в тексте И₁ и У и позднейшие ссылки в текстах «Сказания», например «Сие убо списание изложение Софония иерея Рязанца» в рукописях Рум. 378 и 3123 и Увар. 492.⁵

¹ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — ИЗ, № 25. [М.], 1948, стр. 71—103.

² Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1950, стр. 5—52.

³ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186 (мне недоступно); 2) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224; 3) Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255.

⁵ Отметил уже С. К. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 114—115; ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 194.

Итак, Софоний⁶ был несомненно священником, может быть иеромонахом-«старцем», жившим в Рязани. Однако прозвище «Рязанец» не указывает на его происхождение: древнейшее упоминание о нем, в Тверской летописи, ясно называет его еще «брянским боярином». Уже С. К. Шамбинаго правильно заметил: «Он мог стать священником после того, как был боярин. Родом с юга, он легко мог принести с собой в Рязань рукопись Слова о полку Игореве, а может быть и целую библиотеку, так как видно, что он был человеком книжным, а судя по его Слову — и не без таланта».⁷

В связи с этим следует напомнить роль Брянска в XIII и XIV вв. Татарское нашествие 1238—1240 гг. разорило Черниговщину, смело с лица земли города Сновск, Хоробр, Орогощь, от которых не осталось следа. Значение Брянска, очевидно уцелевшего в своей дебри, вырастает. В него переходят постепенно великие князья черниговские. Так, сын Михаила Черниговского, Роман, назван в 1262 г. «князем брянским» а в 1288 г. — «князем дебрянским». В это время и в первой половине XIV в. ничего не слышно о Чернигове, очевидно запустевшем, а упоминается лишь Брянск, ставший центром великого княжения. По соседству с ним, на верхней Оке, потомки черниговских князей создают ряд мелких «верховских» княжеств — в Карачеве и Звенигороде, в Козельске и Перемышле, в Новосили, Одоеве, Оболенске и Воротынске. Процесс переселения с юга в эти области и дальше на север не прекращается. Мы знаем, что в 1299 г. митрополит Максим окончательно покинул разоренный Киев и перенес свой стол во Владимир-на-Клязьме: киевский боярин Родион Нестерович со своим двором в 1700 человек перешел в Москву, черниговский боярин Бяконг пришел тоже в Москву и стал отцом митрополита Алексея и родоначальником Плещеевых; из Чернигова же выехал в Тверь боярин Борис Федорович Половой. В Брянске мы видим в XIV в. князей, но рядом с ними и сильное вече, народные восстания (в 1340 и 1356 гг.), что предполагает наличие крупного городского населения.⁸ Если Брянск был сравнительно безопасен от татар, ему стал угрожать с запада новый враг — языческая Литва. Еще в 1263 г. князь Роман Михайлович еле отстоял Брянск от Миндовга. При Ольгерде, в 1356 г., литовцы подходили под Брянск и Смоленск. Князь смоленский пришел из Орды с ярлыком на Брянск, но скоро умер. «Был в Брянск мятеж от лихих людей, смута великая и опустение города, после чего стал владеть Брянском великий князь литовский».⁹ Очевидно, город опустел, ибо «лучшие люди», боясь «лихих людей» и не желая служить литовцам, уехали на север. Тогда именно брянский боярин Софоний

⁶ Мы знаем, что календарное имя (3-го декабря) одного из библейских «малых пророков» — Софония. Но во всех указанных текстах имя нашего автора дается в форме мужского рода — Софоний. Мы предпочитаем держаться этой обрусевшей формы. Кроме того, в записи митрополита Феогноста о поставлении в 1330 г. епископа в Суздаль назван сарайский епископ Софоний (Σοφώνιου, род. пад. от, Σοφώνιος). Итак, и греки в это время предпочитали форму с окончанием мужского рода (В. Г. Васильевский. Записи о поставлении русских епископов при митр. Феогносте в Ватиканском греческом сборнике. — ЖМНП, 1888, № 1, стр. 452).

⁷ С. К. Шамбинаго. Повести..., стр. 133.

⁸ В Брянск переселяются и епископы из разоренного Чернигова, сохраняя титул черниговских. Так, в 1335 г. митрополит Феогност рукоположил епископа Иоанна в крепость (κάστρον) Чернигов, но в той же записи сказано, что Иоанн избран епископом города (πόλις) Брянска. Очевидно, Чернигов оставался лишь пограничным укреплением (В. Г. Васильевский. Записи..., стр. 452). В 1361 г. грамота царградского патриарха упоминает епархию Брянска, а не Чернигова (Miklosich-Müller, Acta Graeca, I, 428).

⁹ С. М. Соловьев. История России, т. III. Изд. «Общественная польза», стр. 331.

мог уехать, увезя с собой список «Слова о полку Игореве», хранивший чернигово-северскую традицию, а вероятно, и летопись киевско-черниговского извода. Как человек книжный и пожилой, он стал в Рязани священником в 1360-х годах. К 1380 г. он был уже «старцем». Тогда же покинули Брянск и другие бояре, среди них братья Пересвет и Ослябя.¹⁰ Разочаровавшись в воинской службе, они оба стали монахами у Сергея Радонежского, но в решительный час вспомнили свою доблесть и вышли на Куликово поле.

В Брянске Ольгерд посадил одного из своих сыновей, но в 1375 г. великому князю Дмитрию служат князья Брянский, Новосильский, Оболенский и Торусский.¹¹ Возможно, что этот князь Роман Михайлович Брянский — потомок Михаила Черниговского, покинувший Брянск из-за притязаний смоленского князя и перешедший на службу Москве.

В 1378 г. старший сын Ольгерда, Андрей, покинув свой удел в Полоцке, сел во Пскове и перешел тоже на службу Москве. В 1379 г. он вместе с другим литовским князем Дмитрием Боброком-Волынским (женившимся на сестре Дмитрия Донского) взял Трубчевск и Стародуб у Литвы, и сидевший в Трубчевске брат его, Дмитрий Ольгердович, вышел из города с семьей и боярами, поехал в Москву и получил в кормление Переяславль.¹² Этот переход трех литовских православных князей на службу Москве был крупным успехом, открывал в эти годы, когда после смерти Ольгерда (в 1377 г.) в языческой Литве начались смуты, надежды на широкое «собрание Русской земли».¹³ От обороны против литовцев Москва переходила к наступлению, но ей мешала татарская опасность и опасность союза «поганых» — Литвы и татар.

Куликовская битва своим подвигом отвратила гибельную опасность союза «нечестивого» Ягайла и мусульманина Мамая. Она открыла новые возможности, надежды на присоединение Киева, Смоленска, тем более что в Литве Ягайло враждовал со своим дядей Кейстутом. Но она обескровила Русскую землю, и 26 августа 1382 г. новое нашествие Тохтамыша испепелило Москву, взятую хитростью. Наконец, крещение Ягайла в католичество, польско-литовская уния 1385 г. вдвое усилили силы Литвы, опять начавшей при могучем Витовте наступление на Смоленск, Псков, Новгород и Москву.¹⁴ Надежды на широкое «собрание Русской земли» исчезают в Москве на целый век, до Ивана III. Остается лишь обороняться от Литвы и медленно уничтожать северо-восточные уделы.

В связи с этой политической обстановкой встает вопрос о датировке «Задонщины». Этот вопрос неясен. Сложные и часто противоречивые гипотезы С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова не могли его разрешить.¹⁵

¹⁰ Имя Пересвет южное: в XVI в. в Киевской земле известны были бояре Пересвет-Солтан, ставшие позднее польскими графами. Имя Ослябя (род. Ослебяти) загадочно.

¹¹ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 22.

¹² ПСРЛ, т. VIII, стр. 34.

¹³ Перешел еще четвертый князь, Ольгердов внук Остей, которому в 1382 г. была поручена защита Москвы от татар (ПСРЛ, т. VIII, стр. 43).

¹⁴ Даже князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и Дмитрий Волынский вернулись в Литву и сложили свои буйные головы в несчастной битве на Ворскле в 1399 г. на службе у Витовта.

¹⁵ С. К. Шамбинаго считал, что в основе «Задонщины» лежали два источника: 1) летописное сказание 1380—1381 гг. и 2) устные сказания (Повести..., стр. 132); А. А. Шахматов гипотетически указал три: 1) первоначальную редакцию летописного сказания, 2) официальное донесение о победе Дмитрия Ивановича и 3) некое «Слово о Мамаевом побоище» (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — Отчет о XII присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 95).

В. П. Адрианова-Перетц осторожно говорит о «конце XIV века»,¹⁶ Н. К. Гудзий тоже: «Возникновение Задонщины следует отнести к концу XIV века»,¹⁷ но в хрестоматии говорит иначе: «Повесть сложилась в конце XIV или в начале XV века на основе летописного сказания, устных преданий, произведений народного поэтического творчества и под сильнейшим воздействием «Слова о полку Игореве».¹⁸ Однако недавно М. Н. Тихомиров уточнил датировку. Упоминание в перечне городов, куда «шибла слава» о Куликовской битве, Тырнова («ко Торнову»), завоеванного турками в 1393 г., показывает, что «первоначальный текст Задонщины» составлен был не позднее этого года, а вычисленную в «Задонщине» цифру от битвы на Калке до Куликовской «160 лет» считает возможным рассматривать не как ошибку (160 лет вместо 156), а как «определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 году».¹⁹

Второе соображение кажется нам шатким: во всех списках «Задонщины» ясно сказано: «от Калатъския рати до Мамаева побоища» (И, У, С, даже в неполном Б). Ясно, что автор имеет в виду время от битвы на Калке до Куликовской, а не до написания своей «похвалы». Он лишь слегка закруглил цифру, поставив 160 лет вместо 157. Но первое соображение весьма убедительно: в ряду крупных христианских городов стоят Рим, Кафа, Тырнов и Царьград. Взятый и разоренный турками Тырнов не мог быть назван после 1393 г.

Нам кажется, что «Задонщина» была написана непосредственно после Куликовской битвы, когда авторитет Дмитрия Донского особенно возрос и когда у него появились планы объединения всей Руси, даже литовской.

Следует отметить, что польский историк Матвей Стрыйковский, напечатавший в 1582 г. свою Хронику, утверждает, что после Куликовской битвы «великий князь Дмитрий Московский, вознесенны умысли такжеже под Литвою язычники Витепского, Киевского и Полоцкого доходити княжений и посла к великому князю Ольгерду Литовскому великие послы» с объявлением войны и угрозой войти в Вильну, но что Ольгерд предупредил его и дошел до Москвы.²⁰ Весь рассказ полон сказочных подробностей и неточен: Ольгерд умер за три года до Куликовской битвы. Но знаменательно то, что в литовских преданиях XV—XVI вв. сохранялось твердое убеждение в том, что Дмитрий Донской после Куликовской победы требовал от Литвы Витебского, Полоцкого и даже Киевского княжеств, а это вполне правдоподобно.

Что у Дмитрия Донского была сознательная программа объединения Русской земли, это прекрасно выяснил Л. В. Черепнин на основании анализа известных и найденных им неизвестных документов.²¹ Автор справедливо подчеркнул большое значение московско-тверской докончальной грамоты 1375 г. «Ее смысл не только в закреплении победы

¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста, стр. 218.

¹⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 221.

¹⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, изд. 6. М., 1955, стр. 171.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). Изд. МГУ, М., 1947, стр. 203.

²⁰ Цитируем по русскому рукописному переводу XVII в., приведенному М. М. Щербатовым в его «Истории Российской» (т. IV, ч. 1, СПб., 1781, стр. 38, примечание).

²¹ Л. В. Черепнин. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского. — ИЗ, № 24. [М.], 1947, стр. 225—266.

Москвы над Тверью, но и в признании московского князя руководителем общерусской политики».²² Данные доселе неизвестной описи 1626 г.²³ позволяют Л. В. Черепнину утверждать, что великий князь Дмитрий Иванович стремился использовать борьбу между сыновьями Ольгерда в конце 1370-х годов. «Сторонником подобного сближения с литовскими князьями и организации при их помощи борьбы с татарами являлся серпуховский князь Владимир Андреевич, литовские связи которого поддерживались через его жену Елену Ольгердовну». Опись 1626 г. отмечает «грамоту докончальную вел. князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, с вел. князем Ондреем Ольгердовичем да (ответную) грамоту докончальную вел. князя Ондreja Ольгердовича с вел. князем Владимиром Ондреевичем, а князь Владимир кончал за брата своего за князя Дмитрия Ивановича».²⁴ Очевидно, это была грамота о подчинении Андрея Ольгердовича великому князю всея Руси, и Владимир Андреевич при этом играет активную роль, заключая договор от имени своего сюзерена, «старшего брата». Еще значительнее следующие данные той же описи 1626 г. Во-первых, «грамота великого князя Дмитрия Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовны, докончанье о женитьбе великого князя Ягайла Олгердова, жениться ему у вел. князя Дмитрия Ивановича на дочери, а вел. князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, вел. князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди» Итак, Ягайло должен был стать зятем Дмитрия и «быть в их воле», т. е. становился в подчиненное положение своему тестю.²⁵

Этот доселе неизвестный документ показывает, что у Дмитрия Донского был план осторожного, постепенного подчинения недавно только захваченных Литвой русских областей путем договоров о вассалитете. Об этом говорит и запись: «докончальная грамота в. кн. Дмитрия Ивановича и брата его, князя Володимера Ондреевича, с вел. кн. Ягайлом и з братью его, и со князем Скиргайлом и со князем Карибутом; и против того другая грамота вел. князя Ягайла и брата его Скиргайла и Карибута, как они докончали и целовали крест вел. князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичю и их детям лета 6992». Итак, в 1384 г. состоялся договор Дмитрия с Ягайлом, причем надо заметить, что договор этот не равноправный: ничего не сказано о том, что великий князь Дмитрий целует крест Ягайлу, между тем Ягайло и его братья целуют крест великому князю, брату его Владимиру и их детям. Эти выражения дают возможность понять, что утраченный договор говорил о вассальной наследственной зависимости литовских князей от московских великих князей. Это совпадает со словами «быть в их воле» в предыдущем договоре, вероятно заключенном в том же 1384 г. или несколько раньше.

Все эти дипломатические планы были сорваны женитьбой Ягайла на Ядвиге: честолюбивый Ягайло не постеснялся теперь подчинить Литву и Русь польской короне, ибо он сам становился польским королем.²⁶ Только

²² Там же, стр. 262.

²³ Эта опись, использованная Л. В. Черепниным, указывает, на основании ранней описи 1480-х годов, целый ряд документов, взятых и уничтоженных польскими захватчиками в 1610—1612 гг.

²⁴ Л. В. Черепнин. Договорные и духовные грамоты..., стр. 248.

²⁵ В этом сближении участвовала Ольгердова вдова, Юлиания Тверская; следует напомнить, что ее сестра Мария, вдова Симеона Гордого, жила в Москве до самой своей смерти в 1392 г., а брат ее, великий князь Михаил Тверской, с 1375 г. согласился на подчинение Москве.

²⁶ По Кревскому договору 1385 г. Ягайло обещал «*terras suas Litvaniae et Russiae sociatae regni Poloniae applicare*». Видно, что он не особенно дорожил независимостью Литвы и так же легко мог подчинить ее в 1384 г. Москве.

оппозиция Витовта и литовских панов сохранила самостоятельность Литвы, закрепленную актами уний 1400 г. в Вильне и 1413 г. в Городле. Пользуясь поддержкой польских рыцарей, Витовт опять переходит в наступление, подчиняя Смоленск в 1404 г. Слабый наследник Дмитрия, Василий I, женившись на дочери Витовта, находится под влиянием своего сильного тестя. План Дмитрия Донского об освобождении западнорусских земель и возможном подчинении себе Литвы сорван надолго, и лишь Иван III возвращается к нему, почувствовав свою силу после свержения татарского ига.

Этот исторический экскурс был нам необходим, чтобы объяснить ту атмосферу, в которой создавалась «Задонщина». По нашему мнению, она была написана еще при жизни Дмитрия, в «похвалу ему», еще до 1385 г. (когда Кривская уния укрепила могущество Ягайла), в 1380 г., до получения сведений о смерти Мамаю и до сожжения Москвы Тохтамышем. Обратим внимание на то, что «Задонщина» — поэтический ритмический эпос, похвальная песня героям. Такие похвальные песни создавались непосредственно, чтобы быть петыми на пирах перед живыми героями победы. Мы уже приводили свидетельство Длугоша о том, как Русь сложила песню Мстиславу Удалому на самом поле победы.²⁷ «Слово о полку Игореве», вероятно, сложилось еще в 1186 г., немедленно по возвращении Игоря из плена, а было дополнено в 1187 г., по счастливом возвращении его сына Владимира. Оно пелось под звуки гусель, как Бояновы песни, а Софоний предполагал, что и его «Задонщина» будет так же распеваться.²⁸ Приведем еще пример: в 1619 г. англичанин Ричард Джемс записал в Москве песню о возвращении Филарета из польского плена:

Зрадовался царство Московское
И вся земля Святурская...²⁹

Между тем точно известно, что Филарет вернулся в Москву из плена 14-го июня 1619 г., а 24-го июня был посвящен в патриархи. Следовательно, хвалебная песня была сложена в первые же недели после возвращения Филарета, чтобы распеваться на придворных пирах и на площадях.

Другое дело, летописные известия и особенно прозаические сказания: они могут создаваться постепенно, переделываться и дополняться в течение десятилетий. Но для «Задонщины» совсем не нужно предполагать пользование летописными данными, как это утверждал С. К. Шамбинаго, или гипотетическим «Словом о Мамаевом побоище», как предполагал А. А. Шахматов. «Задонщина» сложена как «похвала», соединенная с «жалостью», с плачем об убитых. Опять-таки и плачи по умершим создавались немедленно, обычно в самый день похорон. Софоний не пользовался никакими летописными данными. Ему было достаточно слухов, устных рассказов о великой победе, в самой общей форме, с довольно неточным перечислением имен нескольких убитых бояр и оплакивавших их жен. Под непосредственным впечатлением победы, что обещало Русской земле полную независимость и открывало надежды на возвращение родного Брянска, Чернигова, Киева, Софоний и написал свое хвалебное «слово»,

²⁷ А. В. Соловьев. Политический кругозор... стр. 98.

²⁸ При протяжном пении «Слово о полку Игореве» (2800 слов) можно пропеть в один час; «Задонщина» несколько короче. В тексте, изданном В. П. Адриановой-Перетц (ГОДРА, VI, стр. 223—232), она насчитывает 2227 слов; ее можно было пропеть в 45 минут.

²⁹ П. К. Симони. Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907, стр. 7.

пользуясь готовым несравненным образцом — бережно вывезенной им из Брянска рукописью «Слова о полку Игореве». Надо заметить, что в картине боя нет никаких точных подробностей; он знает лишь, что погибли брянский боярин, чернец Пересвет и племянник его Яков Ослебягин. Он изображает бой в общих чертах, умело перифразируя образы «Слова». Он знает, что в половине боя русским пришлось тяжело, но что затем они все же победили. Он разделяет плач Ярославны между московскими и коломенскими боярынями, достаточно перепутав имена их и их мужей. Он не упоминает ни рязанского, ни тверского князя, чтобы не нарушать картину единодушия русских князей. Он не называет даже опасного Ягайла, может быть, потому, что рассчитывает на его подчинение «государю всея Руси», как уже подчинились его братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи.

Он рассчитывал на то, что его «похвала» будет распеваться повсюду. И, вероятно, так и было. Она стала популярна несмотря на свой трудный стиль.

Нам кажется, что наличие вариантов «Задонщины» объясняется тем, что некоторые из них были записаны с голоса.³⁰

Надо обратить внимание на следующее. Летописные известия³¹ помещают непосредственно после подробного рассказа о Куликовской битве рассказ о том, как Мамай вернулся в Орду, собирая новую рать против Руси, но на него пришел Тохтамыш из Синей орды и победил Мамай «на Калках». Тогда его князья били челом Тохтамышу, а Мамай «с единомысленники» бежал в Кафу, избежав погони. Он вел переговоры с кафинцами об «опасе». Кафинцы наконец приняли его со множеством имения, серебра и золота, но затем, посоветовавшись, убили его: «такое конец безбожному Мамаю». Тохтамыш же послал своих послов к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям русским. Все это рассказывается в рамках 6888 (мартовского) года. Следовательно, Мамай был убит зимой 1380/81 г., во всяком случае до 1 марта 1381 г.

Между тем рассказ «Задонщины» о бегстве Мамая не знает никаких подробностей, не упоминает даже Тохтамыша. Говорится лишь о бегстве Мамая в Кафу и о насмешках, которыми его там встретили: «А ныне ты, поганый, бежишь самдевят в лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле» и т. д. Генуэзцы предлагают ему бежать обратно: «Побежи ты, поганый Мамай, от нас». О смерти Мамая ничего не сказано. Между тем, если б иерей Софоний знал об убийстве Мамая, он непременно упомянул бы этот «суд божий» над нечестивым врагом. Мы считаем, что «Задонщина» была уже написана в начале зимы 1380 г., когда на Русь дошли первые слухи о том, что Мамай бежал в Кафу и что кафинцы не хотят принимать его (долгие переговоры). «Задонщина» была уже готова, но Софоний или даже другой редактор³² внес в нее дополнительно эпизод

³⁰ Это можно утверждать про список Б: певец внес в текст цитату из «Слова о погибели», затем такое былинное выражение, как «хоробрый Пересвет поскакивает на своем вещем свище», и, забыв конец песни, заменил его наскоро сочиненной фразой: «Покладоша головы свои оу быстрого Дону... с мужескими сыны» (ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 195—196).

³¹ Например, Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, стр. 11).

³² В. П. Адрианова-Перетц (а до нее С. К. Шамбинаго) считает этот рассказ позднейшим добавлением и справедливо указывает на «дидактический тон всего рассказа в целом, резко отличающий его от «писания Софонии» (Задонщина. Текст и примечания, стр. 222). Впрочем, полная неудача (но еще не смерть) Мамая могла навести иерей Софония на благочестивые размышления. Как бы то ни было, если «нельзя утверждать, что рассказ этот был в первой редакции повести» (В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 223), то это лишний раз доказательство того, что первая редакция «Задонщины» могла быть готова уже осенью 1380 г.

о бегстве Мамаю, и знаменательно, что ни один из позднейших списков не вставил в текст упоминания о смерти Мамаю.

Рассмотрим теперь политические идеи автора «Задонщины».

Недавно Д. С. Лихачев прекрасно выяснил основные идеи «Задонщины». Позволяем себе повторить его взгляд, с которым мы вполне согласны.

«Автор „Задонщины“ имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — „Слова о полку Игореве“, не простое подражание его стилю (как это обычно считается), а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в „Слове“, с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в „Задонщине“.

«Чтобы пояснить эту идею, автор „Задонщины“ предпослал ей предисловие, составленное в эпически-былинных тонах. На пиру у воеводы великий князь Дмитрий Иванович обращается к „братии милой“ с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на славный Днепр „и оттоле на восточную страну, жребий Симов“, от которого родились татары. От времени битвы на Калке „Русская земля сидит невесела“. Автор хочет теперь „возвеселить Русскую землю, возвергнуть печаль на восточную страну“, т. е. на татар.

«В „Слове“ грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск... В „Задонщине“ те же зловещие знамения сопутствуют походу татарского войска.

«В „Слове“... „чёрна земля под копыты“ была посеяна костями русских, в „Задонщине“ „чёрна земля под копыты костями татарскими“ была посеяна... В „Слове“ — „тоска разлилася по Русской земли“, в „Задонщине“ — „уже по Русской земли простресея веселие и буйство“...

«Туга, разошедшаяся в „Слове“ после поражения Игоря по всей Русской земле, сходит с нее в „Задонщине“ после победы Дмитрия. То, что началось в „Слове“, кончилось в „Задонщине“.

«Итак, начало того исторического периода, с которого Русская земля „сидит невесела“, автор „Задонщины“ относит к битве на Каяле... Отсюда преднамеренное противопоставление в „Задонщине“ конца — началу, битвы на Дону — битвы на Каяле, победы — поражению и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами.

«Куликовская битва рассматривается, следовательно, в „Задонщине“ как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле, сознательно отождествляемой автором „Задонщины“ с рекой Калкой, поражение русских на которой явилось первым этапом завоевания Руси татарами.

«Эта идея реванша, как и самая идея обращения ко временам независимости Руси, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, русские былины, где эти же идеи сказались в полной мере».³³

Исходя из этой точной оценки «Задонщины», постараемся еще уточнить политические идеи ее автора, его кругозор по сравнению с автором «Слова о полку Игореве».

³³ Мы значительно сократили изложение Д. С. Лихачева (Национальное самосознание древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 76—78).

Брянский боярин Софоний, так же как и автор «Слова о полку Игореве», проникнут чувством глубокой любви к родине, к «земле Русской».

Известно, что в «Слове» это выражение повторяется 20 раз. Антитеза «за землю Рускую — на землю Половецкую» является одним из основных элементов поэмы. Действие ее происходит на юге, где особенно обостряется эта антитеза; но и Полоцкая земля, подверженная набегам «поганых» литовцев, тоже для поэта «земля Русская, жизнь (достояние) Всеслава». От Карпат и Дуная до Двины и Волги обнимает певец «Слова» мысленным взором свою родину.

Этот большой географический диапазон еще сильнее в «Слове о погибели», где поэт с удивительной точностью рисует границы своей родины «светло-светлой земли Русской», опять от Карпат до Балтийского и Белого морей и до бассейна средней Волги. То же видим мы и у автора «Задонщины». Хотя западная половина Русской земли подпала под власть Литвы, Софоний подчеркивает связь Москвы с Киевом не только династическую, но и общенародную. Он вдохновенно начинает: «Взыдем на горы Киевские и посмотрим по всей земле Русской», вспоминает, как на реке Калке татары победили Русь (т. е. прежде всего южную, киевскую) и как «отолое Русская земля сидит невесела», «от Калатьские рати до Мамаева побоища лет 160».

Победа Дмитрия Донского смыла обиду земли Русской, нанесенную в 1223 г. Как и в «Слове о полку Игореве», дружины борются «за землю Русскую». Два только раза сказано по-старинному «за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» (и «за землю Русскую»). Не так в «Слове»: там феодальный мотив личной обиды князя выражен сильнее: Борис Вячеславич погиб «за обиду Ольгову», певец все три раза призывает князей бороться «за землю Рускую, за раны Игоревы» (раз прибавлено: «за обиду сего времени»). Понятия родины и личной обиды князя в этих призывах для певца почти равносильны.³⁴

Автор «Задонщины» лишь два раза упомянул об «обиде великого князя», но семь раз говорит о борьбе «за землю Русскую и за веру христианскую».

Отметим это усиление религиозного элемента. Конечно, он не является новостью. Автор «Слова», охотно вспоминая языческих богов, все же называет половцев (а также и литовцев) «погаными», подчеркивая их язычество, а в конце «Слова» говорит даже: «Здрави князи и дружина, побоярая за христиан на поганые полкы». Это в духе XII в. Так, великий князь Мстислав II восклицает: «нам дай бог за крестьян и за землю Рускую головы сложити», а новгородцы восхваляют умершего Мстислава Храброго: «всегда бо тосняшися умрети за Рускую землю и за христиан».³⁵ В борьбе с иноверцами усиливается чувство национальности, основанное на религиозном и языковом различии. Так, в песне о Сиде (тоже конца XII в.) все время говорится *cristianos*, слово «испанцы» вообще не упомянуто.

В «Задонщине» в связи с усилением религиозности к концу XIV в. понятие «веры христианской» неотъемлемо сплелось с понятием национальности, но не вытесняет его. Можно указать ряд выражений, где понятие «русский» стоит без вероисповедного признака.

Во-первых, имя «Русь». Известно, что в древнюю эпоху оно обозначало прежде всего народ, «язык» («в Афетове же части седит Русь, Чудь и

³⁴ Все же понятие родины преобладает: Игорь ведет свои полки «на землю Половецкую за землю Рускую», а храбрые «Русичи» «полегоша за землю Рускую».

³⁵ Ипатьевская летопись под 1170 и 1178 гг.

все языци»), но, как всякое название народа, может обозначать и его страну («в Русь, в Руси», как и «в Греки, в Ляхы, в Лясах, в Угрех»). Любопытно, что ни «Слово о полку Игореве», ни «Слово о погибели» не пользуются этим сбивчивым термином. «Задонщина» его знает:

1) во вступлении имя «Русь» обозначает по-старому русский народ, во фразе: «от Афетова сына Ноева родися Русь преславная» (Б, У); 2) в таком же значении найдем его и в конце поэмы: «Русь великая одолеша Мамаю» (И₂), вариант: «Русь поганых одолеша» (С); как в древней летописи, слово «Русь» сочетается еще со множественным числом глагола; 3) однако выражение «на Русь», «в Русь» уже в Повести временных лет может обозначать и страну; в конце «Задонщины» «татары» плачут, что им «в Русь ратью не ходити» (И₂, У) или «на Русь... не хаживать» (И₁); и в этом обороте «Русь» обозначает и народ и его страну.

Во-вторых, для обозначения отдельных людей «Слово о полку Игореве» пользуется патронимической формой «Русичи» (как «Вятичи», «Радимичи»). В «Слове о погибели» нет этой формы, но имеется сходная: «Тоймичи» от собирательного «Тойма». Кроме того, «Слово о полку Игореве» пользуется известным летописи оборотом «русские сыны» и «русские жены». «Задонщина» не называет «Русичей», но использовала остальные обороты своего образца.

Уже во вступлении сказано: «Снидемся, братие и друзи, сынове рустии» (У, С — рустии, И₂). Дальше мы встретим: «наехали рустии сынове на сильную рать татарскую» (И₂), чему в списках У и С соответствует «наехали русские князи». Можно считать первое выражение первичным, ввиду того что дальше говорится: «соступалися русские сынове с погаными татары» (И₂), что сохранено и в С: «изступишася сынове руския», а в У заменено выражением «то ти ступишася русские удалцы».³⁶

В этом отношении список И₂ ближе всего к «Слову о полку Игореве». Зависимость от своего образца особенно заметна в описании последней сечи: «Погании бежать, сынове рускии поля широкая кликом огородиша» (И₂ и И₁). Этот образ восходит к «Слову», являясь контаминацией двух фраз: «дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты». Автору «Задонщины» было ясно, что «Русичи» — это «русские сыны», тем более что в «Слове» дальше сказано: «посеяни костми руских сынов».

Наконец, в конце «Задонщины» сказано: «уже русские сынове разграбиша татарские узорочья» (И₂, У, И₁), и несколько иначе в Син.: «и погнаша руския сынове вослед поганых татар».

Перефразируя «Слово», Софоний пишет: «уже жены руския восплескаша татарским златом». Это удачная переделка двух выражений: «жены руския всплакашася» и «готския девы... звоня руским златом».

Итак, «Задонщина» пользуется, как и «Слово», выражениями «русские сыны» и «русские жены». Кроме того, она вводит и новое: «русские удалцы». Помимо указанного варианта списка Унд., надо отметить: «гремят удалцы русские золочеными доспехи и черлеными щиты» (И₂, У, С), что напоминает фразу «Слова»: «храбрые Русичи черлеными щиты».³⁷ Слово «удалцы» можно считать рязанским выражением: оно часто встречается в Повести о разорении Рязани. Оно повторяется еще в «Задон-

³⁶ Интересна амплификация в С: «изехалися удалые люди, князи богатыри литовския». Этот белорусский список XVII в. подчеркивает участие литовцев в Куликовской битве.

³⁷ В Б иначе: «гремят удалцы золочеными шеломи [и] черлеными щиты», что следует считать позднейшим неудачным изменением: можно греметь щитом и доспехами, но нельзя греметь шлемом на голове.

щине», в плаче Андреевой жены: «спадоша руские удальцы з борзых коней на судное место» (И₁), в других списках: «изседоша (выседоша) удальцы з борзых коней на судное место» (И₂, У, С).

Наконец, в И₁ сохранилась перифраза из «Слова»: «А уже Диво плачет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами». Вот новое, совсем былинное выражение — «русские богатыри», которое, может быть, попало в этот список при устной передаче «Задонщины».

Если в «Слове» упоминаются «русские полки» и «русское золото», то в «Задонщине» мы встретим выражения «поля руские» (только в У) и «мечи руские», заменившие уже непонятные «мечи харалужные» «Слова» во фразе: «уже поганыи оружие свое повергоша [а] главы своя подклониша под мечи руския» (И₂, У).

Прекрасно самостоятельное выражение Софония: «вознесся слава руская по всей земли» (И₁, И₂, У). Это выражение широкого чувства любви к родине, так же как и «звенит слава по всей земле Руской». Если в «Слове» шум полутайного похода Игоря ограничен небольшим четырехугольником: Сула—Киев—Новгород-Северский—Путивль, то в «Задонщине» фраза «звенит слава в Кыеве» более развернута: «звенит слава по всей земле Руской».

Великий поход Дмитрия и его победа должны прогреметь по всей родине.

На звон славы откликаются колокола вечные в Великом Новгороде — это самостоятельный удачный образ Софония. Понятие Русской земли начинается от Киева, оно обнимает и Новгород, но центром является теперь «сильный град Москва, славный град Москва». Вообще, городов в «Задонщине» названо мало, меньше, чем в «Слове»; кроме указанных трех, лишь Коломна и Серпухов.³⁸ Из иностранных городов названы: генуэзская Кафа в Крыму, христианские столицы Рим, Тырново и Царьград.

Рек названо немного: на первом месте Дон с притоками Непрядвой и Мечей как место боя. Именно быстрый Дон связывает тесно «Задонщину» со «Словом». Любопытно, что часто упоминается Днепр: для автора-южанина Русская земля расположена по преимуществу «межи Доном и Днепром», самая битва происходит будто бы «меж Дона и Непра». Волга нигде не названа, и, вдохновившись фразой «Слава», обращенной к Всеволоду Большое Гнездо: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, и Дон шеломы выльяти», Софоний делает из нее обращение Дмитрию Донскому: «Можешь ли... веслы Непра заградити, а Дон шеломы вычерпати?» Таким образом, он Волгу заменил Днепром, хотя власть Дмитрия Донского еще не простиралась на него. В этой, вероятно, бессознательной подмене особенно проявляется южное происхождение автора, прежде всего помнящего Днепр и Киев.³⁹

Связь со старой киевской традицией видна еще в том, что он татар иногда называет уже непонятным ему архаическим именем «Хинова», а их страну — «поле Половецкое», совсем как в «Слове».

В центре внимания автора «Задонщины» — великий князь Дмитрий Иванович и (двоюродный) брат его, князь Владимир Андреевич. Их тес-

³⁸ Правда, если считать, что заключение принадлежит Софоню, то тут в прилагательной форме перечислен целый ряд городов: Москва, Белозерск, Новгород, Коломна, Серпухов, Переяславль, Кострома, Володимерь, Суздаль, Муром, Рязань, Ростов, Дмитров, Можайск, Звенигород, Углич.

³⁹ Отметим, что он два раза называет Московскую область редким именем «земля Залесская». Это тоже понятно с точки зрения южанина, скорее даже черниговца, чем брянца.

ная связь напоминает отношения Игоря и Всеволода в «Слове», но роль их различна. В «Слове» Игорь занимает значительно большее место, чем Всеволод. Достаточно указать, что Игорь назван по имени 27 раз, 8 раз упоминаются «Игоревы» полки, раны, стязи, еще несколько раз он просто «князь» или «лада» (в плаче). Между тем Всеволод упомянут лишь 6 раз.

Если обратиться к «Задонщине», то в ней Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич названы вместе 14 раз. Это сочетание объясняется той ролью верного соратника и друга, которую последний играл за все время правления Дмитрия и особенно его ролью в Куликовской битве. Но все же Софоний всегда подчеркивает верховенство Дмитрия тем, что всюду дает ему титул великого князя, тогда как Владимир Андреевич просто «князь». Иерархичность московской поры строго соблюдена. Это строгое соблюдение титулатуры с обязательными отчествами действует на читателя как досадный прозаизм, но оно выражает новую эпоху.

Какая разница между этим московским этикетом и демократическим стилем «Слова о полку Игореве»! Так же как и летописи той эпохи, певец «Слова» чаще всего называет князей просто по имени, без титула и без отчества. Напомним, что своего главного героя он 18 раз называет «Игорь» и лишь 9 раз «князь Игорь» (или «Игорь князь»). Всеволод все 6 раз назван без титула и без отчества, но зато 4 раза с эмоциональными прозвищами «буй тур», «яр тур».

Значительная разница между «Словом» и «Задонщиной» и в отношении к остальным князьям. В «Слове» их очень много и каждый из них ярко обрисован, для каждого поэт находит яркие краски или, по крайней мере, яркий эпитет. Видно, что он княжеский певец, знающий все их отношения и родовые предания, он чувствует себя между ними в своей среде.

Между тем в «Задонщине» «князи руские» выступают как анонимная группа. Они все хором обращаются к Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу со словами: «Господине князь великий, уже погании татарове наступают... а мы, господине, пойдем за быструю реку Дон». Они «гремели мечи булатными о шеломы хиновские», но ни один из них не назван даже по имени. Дальше без имен сказано: «посечены князи руския и воеводы великого князя» и прибавлено: «и князи белозерский», ибо смерть двух белозерских князей — отца и сына — произвела впечатление и отмечена в летописях и сказаниях. Но автор «Задонщины» привел в перечне убитых несколько имен (если это не вставка редактора), и с трудом можно догадаться, что «Федор Семенович» — это князь Федор Романович, а его сын, Иван Федорович, вовсе не назван. Видно, что Софоний передавал по наслышке, не имея под руками точных данных и не интересуясь вовсе удельными князьями. В прощальном счете убитых так же глухо сказано: «нет у нас... 12 князей белозерских», что является крупным преувеличением.

Гораздо больше данных о московских боярах, что согласуется с данными того времени. В укреплении мощи Москвы в XIV в. первое место принадлежит боярам, а не служилым князьям, которых еще было мало. Достаточно указать, что на духовной Дмитрия Донского имеются подписи десяти бояр (все с отчествами) и нет ни одной подписи князя. И в «Задонщине» указано несколько московских бояр с отчествами: Михаил Александрович, Микула Васильевич, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, указаны даже имена некоторых их жен, и именно между ними, а не между женами белозерских или тарусских князей, разделен плач княгини Ярославны.

Повторим: в «Слове» князья индивидуализированы, а бояре анонимны.⁴⁰ В «Задонщине», напротив, «князи русские» анонимны, а бояре особенно выделены. Эпоха изменилась.

Софоний не упоминает даже таких значительных князей, как тверской и рязанский.

При указанном невнимании к русским князьям бросается в глаза особо выдвинутая роль литовских служилых князей. Только Андрей и Дмитрий Ольгердовичи названы по именам и обрисованы ярко, с живыми разговорами.⁴¹ Именно к ним применена взятая из «Слова» характеристика витязей-курая, именно Андрей произносит удалые слова князя Игоря: «Сядем на борзья свои комони, посмотрим быстрого Дону», а Дмитрий Ольгердович отвечает ему: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за землю, за Рускую, и за веру крестьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» (У, С).

Особое выдвижение роли князя Владимира Андреевича и его шурьев Ольгердовичей дало А. А. Шахматову повод предполагать, что в основе «Задонщины» лежало некое «Слово о Мамаевом побоище», написанное в Серпухове, при дворе Владимира Андреевича. Нам кажется, что такая рабочая гипотеза излишня: без всякого промежуточного «Слова» иерей Софоний мог написать в Серпухове свою «Задонщину». Пограничных застав между княжествами, вероятно, не было, и иерей из Рязани мог легко подняться по Оке через Коломну в недалекий Серпухов. Но и если оставить в стороне такое предположение, то особая роль Владимира Андреевича объясняется тем, что он действительно был первым после Дмитрия на феодальной лестнице, его верным братом и сотрудником, а в Куликовской битве был во главе засадного полка, решившего битву. Кроме того, у Софония был пример — роль брата Всеволода при Игоре.

В «Задонщине» особенно подчеркнута легитимность московской династии. В самом начале Софоний обещает «поведати иными словесы» «похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков святого великого князя Владимира Киевского» (И, У, С). Сам Дмитрий обращается к русским князьям со словами: «Гнездо есмя великого князя Владимира Киевского» (И, У, С).⁴²

⁴⁰ Единственное исключение: по прозвищам названы черниговские были — коуи: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберы. Но это прозвища крупных родов, опять группы, а не личности, пережиток родового быта кочевников. Названия эти хорошо объяснены в книге: Rásonyi. Les noms de tribus dans le «Слово». Praha, 1936, Прилож. 1, 3—9. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII.

⁴¹ В трех списках (И, V, С) рядом с ними упомянут и «князь Дмитрий Волинский», в Б его нет. Дальше он никакой роли не играет. Мы не можем согласиться с мнением, что во второй половине битвы следует всюду заменить имя великого князя Дмитрия Ивановича именем князя Дмитрия Волинского. Вся вторая половина «Задонщины» прославляет Владимира Андреевича, вступившего в бой со свежими силами и ободившего своего брата: «Не уставай, князь великий, с своими великими полки, не потакай крамольникам». Тогда князь великий Дмитрий Иванович говорит своим боярам: «То ти ваши московские слаткие меды и великие места». Тут намек на замешательство в великом полку. Помолясь, князь великий ободрился и наступает на татар вместе с Владимиром Андреевичем. Великий князь Дмитрий назван здесь восемь раз. Если его заменить Боброком, то непонятно, как Владимир мог советовать ему не уставать, когда Боброк в засаде давал ему мудрые советы. Тот факт, что несмотря на выдвижение роли Боброка в Сказании и в летописях XV в. во всех списках «Задонщины» (XVI и XVII вв.) твердо стоит имя великого князя, доказывает, что это первоначальная редакция. Только в Иг добавлено к описанию выезда Владимира Андреевича фраза «со своим князем Волинским». Это добавление, которого нет в остальных трех списках, показывает, что «великий князь Дмитрий Иванович» в дальнейшем изложении не может быть князем Волинским.

⁴² Только в списке Б Дмитрий говорит всем князьям: «Гнездо есмя были едино князя великого Ивана Данильевича». Это позднейшая ошибка списка. Дмитрий не мог

Часто забывают, что московские государи были прямыми потомками древнейшей династии в Европе, законными наследниками великих Владимиров Киевских. Этот непрерывный ряд наследования подчеркнут еще в XIII в., в «Слове о погибели», утверждающем, что все «поганские страны» были покорены «великому князю Всеволоду», отцу его, «Юрю, князю Киевскому, деду его, Володимеру Мономаху», и тем указывающем на легитимность власти «нынешнего Ярослава». Ярослав был признан великим ханом, как «старейший всем князем в русском языке», а Юрий и Иван Калита были единственными внуками его сына, Александра Невского.⁴³ По римско-византийскому праву, начало приюгенитур (нисходящего наследования) вытесняло наследование братьев и иных боковых родственников; ⁴⁴ потому московская линия Мономашичей имела больше всего прав на престол, потому ее поддерживало духовенство, начиная с митрополитов Петра и Алексея.

Любопытно, однако, что Софоний не упоминает ни Александра Невского, ни Всеволода Большое Гнездо среди предков Дмитрия. Он идет в глубь веков, он подчеркивает происхождение от великого Владимира Киевского и идет еще далее. Вспомнив Бояна, он сознательно заменяет имена Мстислава и «красного» Романа более значительными. Боян, по его мнению, пел славу «первому князю киевскому Игорю Рюриковичу, великому князю Владимиру Святославичу Киевскому и великому князю Ярославу Владимировичю». Дмитрий Донской — прямой потомок этих государей всей Русской земли, он призван возродить их традицию.⁴⁵

Потому Дмитрий Донской нигде не назван в «Задонщине» «князем московским», как его иногда называют в нашей литературе. Нет, Дмитрий все время «великий князь», как его далекие киевские предки, он даже «господин князь великий» (И₁, И₂, У), он даже «государь» (И₂, У, С), и владеет он не «московским княжеством», не Великооросией, а как будто всей «Русской землей». Эта фразеология «Задонщины» вполне в духе того времени. Вспомним, что на завещании Дмитрия висит золоченая печать с надписью: «Князя великого Дмитрия Ивановича всея Руси»⁴⁶ и что византийские патриархи в грамотах 1370 и 1380 гг. величают его Μέγας ῥήξ πάσης ῥωσίας — «великий князь (или даже «великий король») всея Руси».⁴⁷ Конечно этот титул не был придуман в Царьграде, а употреблялся самим Дмитрием в дипломатической переписке.

В этой атмосфере победы Софоний написал свою «похвалу», надеясь, что после этой победы и морального поражения Ягайла тяготение православно-литовской Литвы к Москве еще усилится и что начавшееся движение вниз по Десне приведет к возвращению Брянска, Чернигова и Киева, где литовская власть была еще некрепка. Потому он так прославляет литовских

сказать таких слов, ибо ни белозерские, ни верховские князья не были потомками Ивана Калиты, но все они были прямыми потомками великого Владимира Киевского.

⁴³ Что легенда о происхождении суздальских князей от Александра Невского недостоверна, это доказал еще Н. М. Карамзин, а недавно Н. Баумгартен (*Généalogies. Orientalia Christiana*, № 94. Roma, 1934, стр. 38).

⁴⁴ Уже Владимир Мономах передал престол не старейшему в роде, а сыну своему Мстиславу в 1125 г., и потомки последнего, Изяслав II и Мстислав II, борются за приюгенитур против отживающего славянского начала старейшинства.

⁴⁵ В Б стоит иначе: «первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю». Вероятно, белозерский певец напутал, но Святослав Ярославич — это отец Олега Гориславича, бывший великим князем в 1073—1076 гг. Мы знаем, что Боян и Ходына были «Святослави песнотворцы». Не сохранился ли тут след брянско-черниговской традиции иерея Софония, знавшего, что Боян воспевал Святослава Ярославича?

⁴⁶ СГГД, т. I, № 34

⁴⁷ Miklosich-Müller, Acta С.-г., I, стр. 516 и 525; II, стр. 12 и 15.

князей, готовых не щадить живота «за землю Рускую, за веру хрестьянскую и за обиду великого князя».

После смерти Дмитрия, когда при его наследниках эти надежды потускнели, указанное прославление начало терять свой смысл.

В заключение сравним «Задонщину» с зависящим от нее «Сказанием о Мамаевом побоище», составленным в начале XV в., как это выяснил Л. А. Дмитриев.⁴⁸

Прежде всего мы видим, что в «Сказании» гораздо сильнее церковная окраска. Дмитрий Донской изображен в агиографических чертах, как «смирennemудрый» и «кроткий». Он побеждает своими молитвами и «молитвами святых Бориса и Глеба, молением русского митрополита Петра и пособника нашего игумена Сергия и тех всех святых молитвами». Приводится ряд молитв самого Дмитрия, митрополит Петр упомянут три раза; назван даже митрополит Киприан, хотя его не было в Москве в 1380 г. Совсем иначе в «Задонщине»: здесь Дмитрий Донской — храбрый витязь, побеждающий своей доблестью, молитвы его еле упомянуты. Из святых ему помогают лишь Борис и Глеб, молясь «за сродники своя», чем опять подчеркнута династическая традиция.

Иерей Софроний не упоминает ни Сергия Радонежского, ни митрополитов. Он больше чувствует себя брянским боярином, потомком сведомых кметей князя Игоря, чем духовным лицом. Его совершенно не касается вопрос, есть ли митрополит в Москве.

Подчеркивание преемственности Москвы Киеву, обращение к русским князьям как к «гнезду Володимера Киевского» вошли в «Сказание» из «Задонщины».

Роль Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем почти одинакова как в «Сказании», так и в «Задонщине». Но в «Сказании» появляется ряд новых подробностей, взятых, вероятно, из боярских семейных преданий: эпизод с переодеванием Дмитрия и боярина Бренка, особенно выдвинутая роль Дмитрия Боброка Волынского в засадном полку.

Остальные князья в «Сказании», так же как и в «Задонщине», представлены как анонимная единомыслящая группа. Но особая роль уделена Олегу, этому «скудоумному», «новому Святополку». Вопреки истории введен Ольгерд как враг Дмитрия.

Подчеркивание роли братьев Ольгердовичей имело меньше смысла в эпоху Василия I, чем в 1380 г.: однако оно осталось в «Сказании» по наследству от «Задонщины».

Если главной идеей «Сказания» является, как справедливо отметил Л. А. Дмитриев, «единение всех русских князей во главе с великим князем московским, личное мужество и отвага великого князя московского», то вся эта идея заимствована из «Задонщины», служившей для него источником. Это была душевная идея Софония, и он был не одинок. Эту идею и связанную с ней идею о тесной связи с Киевской Русью и с Русью Литовской сознавали и другие лица и слои населения, особенно в год написания «Задонщины», т. е., по нашему мнению, осенью 1380 г., после трудной и славной победы.

⁴⁸ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155.